

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

LINGUISTIC WORLDVIEW

УДК 80
ББК 80.9
ББК Ш0.9

Мария Николаевна Ахметова,
доктор педагогических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672007, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Метатекст в филологии: погружение обучающегося в текст, установление межтекстовых связей в ситуациях духовного общения, вхождения личности в Мир

Проблема работы состоит в поиске составляющих духовного пространства метатекста, технологических решений, определении функций метатекста современной дневниковой прозы. Метатекст, как показывает наше исследование, – это элементы текста, соотносимые с ситуацией общения, имеющие отношение к живому процессу жизни. Это отношения субъектов в диалоге, погружение в текст, установление межтекстовых связей. В исследовании представлена метатекстуальная интерпретация как нелинейная, виртуальная. Метатекст не является продолжением текста. Это вставные конструкции, мировоззренческий аспект действий и образов.

Духовное пространство метатекста составляют ситуации «сплетения позиций», сомыслие, установление контакта с другим и Миром. Метатекст выполняет определённые функции. Извлекаются собственные личностные значения, строятся оценочные суждения. Современная дневниковая проза через метатекстовые вставки получает возможность обращения к читателю, его чувствам и мыслям. В статье раскрываются функции метатекста. Первая функция – создание единого метапоэтического пространства. Вторая – осознание читателем своей роли в жизни, природе, Мире. Третья – выражение точки зрения автора, его отношения к ситуации, осознание единого мира. Четвёртая – созвучие метатекста авторскому повествованию, понимание единения «Я» и «Другого». Дистанционность метатекста, соотношение точек зрения – пятая функция.

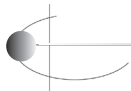
Автору рассматриваемой дневниковой прозы удалось не просто вести рассказ о прожитом дне. Автор живёт в прошлом, настоящем и будущем своей страны. В дневниковых записях читающий видит человека как личность, «самость», осознающего свою роль в жизни.

Ключевые слова: метатекст, метатекстовые связи, современная дневниковая проза, духовное пространство метатекста.

Mariya Nikolaevna Akhmetova,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Metatext in Philology: Immersion of a Student in the Text, Establishment of Some Intertextual Links in Internal Communication Situations, Entering of a Personality into the World

The subject of the article consists in searching the components of the metatext internal space, technological solutions, as well as in defining the functions of the modern diary prose metatext. According to our research, the metatext is some elements of the text, which are relevant to the communicative situation and related to the real life. It includes the relations between the parties of a dialogue, immersion in the text, establishment of some intertextual links. In our research, metatextual interpretation is presented as a nonlinear, virtual one. The metatext is not a continuance of the text, but it is some cut-in constructions, worldview aspect of its actions and images.

The internal space of the metatext consists of situations of "contexture of views", co-thinking, establishment of contact with someone another and the world. The metatext has certain functions. Thanks to the metatext, some own personal definitions are derived, some evaluations are built up. The modern diary prose talks to its reader, appeals to his/her feelings and thoughts through the metatextual insertions. The article presents the functions of the metatext. The first function consists in creating of a united metapoetical space. The second one is intended to help a reader to realize his/her role in life, nature, and the world. The third function is the expression of the author's point of view, his/her attitude to the situation, consciousness of the united world. The fourth function lies in the assonance of the metatext to the speech from the author, consciousness of the unity of "Ego" and "the other". The fifth function of the metatext is its remotability, correlation of several viewpoints.

The author of the diary prose, which we examine in our article, could not only tell about his spent days, he lived also in the past, present and future of his state. Thus, a reader sees the author as a personality, "selfhood", someone, who is conscious of his role in the life.

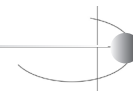
Keywords: metatext, metatext links, modern diary prose, mental space of the metatext.

«Мир, Человек, Текст» – все три явления объединяет одухотворённость, – читаем мы в книге Г. Д. Ахметовой. Художественная культура сегодня включается всё чаще в широкий мировоззренческий контекст. Художественность определяется как категория духовного (В. Г. Мехтиев), имеющая отношение к живому процессу жизни. Чтобы быть творчески продуктивным, эстетическое должно обладать положительной ценностью, – таково утверждение М. М. Бахтина.

Метатекст в таком понимании – это элементы текста, соотносимые с ситуацией общения, описывающие и структурирующие речь, частью которой они являются. Это текстовые элементы второго порядка (метаданные), выполняющие служебные функции по отношению к некоему первичному тексту. Такое определение даёт Википедия. Приставка «мета» – первая половина сложных слов (от греч. *meta* – «между, после, через», т. е. «о» чём-то: текст в тексте) – это процесс соотношения основного текста с «собственными претекстами» (С. А. Байкова). Для метатекста характерна «замкнутость» произведения на себе, саморефлексия автора. Понятие метатекста возникло во второй половине XX века в качестве конкретных знаковых систем. Названы лингвисты, изучавшие знаковые системы: А. А. Потебня, Р. О. Якобсон, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман. Вводятся понятия «текст в тексте», «авторское повествование», «высказывания о текущей речи в этой же речевой ситуации» и др. Метатекстовой пласт рассматривается как способ «погружения адресата в тему», установления межтекстовых связей (Г. Д. Ахметова, А. В. Курганская). В результате происходит воздействие на читателя через метаобраз. Метатекстовой словесный ряд становится погружением адресата в текст. Исследователями отмечаются межтекстовые включения: непосредственная реакция

адресата; уровни адресованности (потенциальный и идеальный читатель); смещение канала коммуникации «Я – Я» в сторону линии «Я – Он» (Н. Б. Анциферова). Метатекстовые элементы, безусловно, в определённом смысле «являются инородным телом», поскольку «нарушают однородность текста, который становится не только сообщением о своей референтивной ситуации, но и сообщением о самом себе» (А. Вежбицкая). Однако «метатекстовые нити» могут выполнять самые различные функции, они проясняют «семантический узор» основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют. Иногда их можно выдернуть, не повредив остального. Иногда – нет» (А. Вежбицкая). Исследуя метатекстовые элементы в тексте, учёные анализируют разные подходы к проблеме: 1) метатекстовые элементы устанавливают связь между фрагментами высказывания; 2) служат для переключения внимания на наиболее существенные фрагменты текста; 3) показывают информационную ценность различных фрагментов текста; 4) выполняют метаязыковую функцию связности и др. Таким образом, человек получает возможность «постижения единства существования вещи и её смысла, вместе составляющих её ценность» (В. А. Бачини).

Современная дневниковая проза характеризуется свободными метатекстовыми связями, способствующими «погружению в текст». При этом метатекстуальная интерпретация нелинейная, виртуальная. Не являясь продолжением текста, она часто становится поистине поэтическим явлением. Роль метатекста при этом эксплицирующая, способствующая погружению в художественность как живому процессу жизни. Проблему метатекста в филологии мы рассматриваем на примере возрождения жанра, как называют книги о путешествиях по экзотическим

странам, – современной дневниковой прозы. Автор – Нина Ганьшина: «Чудесное. Ангел мой. Я из провинции: две повести и пьеса» (Казань: Бук, 2015).

Автор пишет: «Каждый прожитый и записанный день – это часть единого повествования». И в то же время каждый день может стать вполне законченным, независимым «текстом», «самостоятельным произведением». На наш взгляд, книга Нины Ганьшиной – это «мир как осуществление красоты» (Н. О. Лосский).

Педагогика и методика самореализации возможна сегодня лишь на основе метапредметного подхода: в современной образовательной практике необходим мировоззренческий аспект действий. Пространство художественного текста – это духовное пространство. Оно включает в себя языковое пространство, а также духовную энергию (озарение, вдохновение), которая, как считает Г. Д. Ахметова, проявляется в следующем: спонтанность языковых традиций; взаимодействие языковых традиций с индивидуальным стилем писателя, формирующееся на основе языковых традиций; взаимодействие языковых традиций с индивидуальным стилем писателя, приобретающее всеобщность распространения.

Проблема нашей работы состоит в поиске составляющих духовного пространства метатекста, технологических решений, определения функций метатекста современной дневниковой прозы. Гипотетически мы представляем метатекстовое пространство как духовное.

Духовное пространство метатекста включает метапоэтическое пространство, духовную энергию (озарение, вдохновение); позицию автора, его «Я – самость», осознание своей роли в жизни, природе, Мире; выражение самого себя; возвышение идеи в ситуации «сплетения позиций», сомислие; установление контакта с Другим, Миром; преобразование мира (миротворение); постижение единства метаобраза и метадействия как путь к себе, своему «Я», возвышение (понятие эксплицировано).

У Льва Толстого есть интересное высказывание: человек *течёт*, и в нём есть все возможности. Надо полагать, что речь идёт о постижении единства метаобраза и метадействия («человек течёт», то есть движется к постижению собственного «Я», держит путь к себе). Н. В. Иванов считает, что метатекст «насквозь теоретичен» и что он не должен «подменяться метафорой». Однако метатекст в духовном пространстве филологии

представляется метапоэтическим образованием. Человек, по мысли В. А. Бачини, получает возможность «прикасаются своим духом к своим вещам, постигая единство существования вещи и её смысла, вместе составляющих её ценность».

Метатекст в метапредметной деятельности выполняет определённые *функции*, являясь назначением и процессом в осуществлении заданного на уровне мировоззренческих постижений себя, Другого и Мира в целом. Функция (от лат. *function*) и есть исполнение, осуществление. Это круг деятельности, назначение, роль. Происходит процесс извлечения собственного личностного значения, построение оценочного суждения, живого диалога с самим собой, с Другим, с Миром, с прошлым своей страны и народа, которое надо беречь.

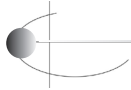
Читаем страницы дневниковой прозы, где Нина Ганьшина приводит стихи Ларисы Миллер:

«Что там в дыму и печали? / – Прошрое, мне отвечали. – / Там драгоценные тени. / Ангелы там пролетели. / Что же мне делать с тенями, / С теми далёкими днями, / Что отпылала как в домне? / – Помни, – сказали мне, – помни!»

И в этом контексте – лета, жары, светлого дня, грустных строчек – пронзила меня фотография из простенького журналистского материала Андрея Затирко об улице Ангарской, на которой я живу почти всю жизнь. Оказывается, в начале этой улицы, на перекрёстке Ангарская-Баргузинская, располагалась арка. Из статьи: «7 июня 1891 года цесаревич Николай под звон колоколов въехал сквозь триумфальную арку в Читу. Специально изготовленная к его приезду из дерева и украшенная ветками сосны, лиственницы и кусками матерчатой драпировки, она возвышалась в начале улицы Ангарская и открывала именитому гостю дорогу в город».

«И вот я думаю с печалью, почему же не уберегли? “Что там в дыму и печали?” Теперь наша улица – простая тихая улочка в центре города. Её даже и не знают многие. А могла бы быть знаменитой. Могла бы сохранить память» [8, с. 66–67].

«Человек течёт...» – строчки эти о прошлом, настоящем и будущем. I. *Функция метатекста – представление единого целого метатекста и метаобраза дневниковой прозы. Дневниковые записи и стихи поэта образуют единое метапоэтическое пространство.* Таково отношение автора к прошлому страны и народа.

II. *Метатекст представлен автором как «надситуативное движение»: Я и Мир; Я погружаюсь в жизнь.*

Функция метатекста – помочь читателю осознать свою роль в жизни, природе, Мире. Возвыситься, несмотря ни на что. Автор пишет: «С моими мыслями перекликаются стихи Александра Винокура: «*Душа одна и та же / Мне не даёт покоя, / И угнетает даже. / Что же это такое? / ...Только не жду успеха / В стройке великих буден. / Жду, что разбудит эхо, / Эхо того, что будет.*»

На улице чуточку потеплело – ну хотя бы не тридцать градусов, а слегка поменьше! Шла на работу, чтобы с китайскими аспирантами обсудить ваковские статьи, – шла и думала, что Сталин всё-таки был прав, когда отправлял людей осваивать эти жуткие ледяные просторы. И всё-таки надо думать не только о себе, но и о людях, о стране. Жили тяжело, но у людей была жизненная цель. Теперь народ покидает эти забытые Богом места <...> а Душа-то где? Где смысл? Где цель?.. Под занавес дня – стихи Ларисы Миллер: «*А жизнь – она божественна. Она / Способна, позабыв про все угрозы, / Нам улыбаться солнечно сквозь слёзы <...> / И дёргаются губы от обиды. / Но счастье вновь на нас имеет виды. / И горю нас слабо прибрать к рукам*» [8, с. 24–25, 41].

На странице 43 автор словно продолжает свои мысли о смысле жизни. Особенность метатекста в том, что он, если можно так выразиться, *не кончается*, он пронизывает дневниковую прозу мировоззренческими раздумьями о смысле жизни.

Как можно заметить, особенность метатекстовых вставок в том, что они словно рассыпаны по тексту дневниковой прозы. Их функция – соединить метапредметные ситуации, тем самым усилить главную мысль: «*Родина – это живое сердце. И совсем не обязательно быть ему огромным, выше всего на земле*» [8, с. 287]. Тема «родины» как метафраз проходит через всё повествование. Метатекст словно «рассыпан» по страницам дневника. И это создаёт особое настроение: читатель погружается в жизнь, думает о своём, видит связующие нити своей жизни и жизни страны, людей. Такова ещё **одна особенность функции метатекстовых вставок.**

III. *Функция метатекста – выражение точки зрения автора, его отношения к ситуации, в которую автор и читатель погружаются, «живут» в ином мире, ином времени.*

Архангельск. «Я в красивом северном городе. Получилось так, как мечталось – я в Архангельске. Ангел ли мой привёл меня сюда в этот чистый северный город?.. В некоторые строения можно заходить <...> Внутри двухэтажного дома женщина в национальной каргопольской одежде – в сарафане и головном уборе. <...> Женщина открыла нам *повесть* (“Вы знаете, что такое повесть?”) Повесть... Это история русской культуры, это история русского литературного языка и русской культуры. Это Сергей Есенин. Так, скажем мы, становится необходимым метапоэтический текст:

Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зелёная из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.

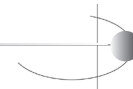
На Русском Севере (Архангельская область) повесть – это нежилая пристройка к деревянному дому. Повесть находится высоко над землёй. И хранят здесь разные хозяйственные принадлежности. Тут же находится клеть. Летом в повете тепло, можно спать здесь, а не в избе» [8, с. 279].

Согласимся: без прекрасных стихотворных строчек Сергея Есенина читателю новое слово «повесть» не показалось бы интересным. А стихи действительно «погрузили» в ситуацию, представив далёкий полузабытый или вовсе незнакомый мир иного времени, «Я – Другой» – ситуация метапоэтического текста, сиюминутного настроения автора повести и поэта.

IV. *Одной из функций метатекста является его созвучие авторскому повествованию. Метатекст как метаобраз включения в ситуацию сиюминутного настроения.* Стихи поэта воспринимаются как единение «Я» и «Другого».

Америка. «Я радостно дышу морским влажным воздухом, смотрю на огромные пальмы, на красные клёны и опавшие берёзы. Никакого гололёда, никакого мороза. Радость... Как хорошо, что хотя бы часть зимы я проведу в средиземноморском климате, среди магнолий. Как хорошо. Просто, как в простой песенке Александра Морозова из семидесятых годов моей юности:

Не зная горя, горя, горя.
В краю магнолий плещет море,
Сидят мальчишки на заборе
И на меня наводят грусть.
Танцуют пары, пары, пары.
Мотив знакомый, даже старый.
И сладкий голос бас-гитары
Тревожит память,
Ну и пусть, ну и пусть, ну и пусть [8, с. 48].

Ещё один из многих примеров соотношения авторского повествования с художественным текстом – поэтическим метатекстом.

«Самое начало октября. Летнее время. Вечером темнеет теперь рано. Листья почти опали. И даже снег уже падал <...> в вечернее, тёмное время граница между нашим и тонким миром становится совсем незаметной <...> и какими уютными кажутся освещённые окна <...> и как хочется скорее домой, в тёплую светлую комнату.

Стихи Андрея Попова прочла сегодня. Очень понравились.

Осень. Вечер. Холодно и влажно.
Потемнел от мысли небосвод –
От напоминанья, что однажды
Жизнь пройдёт – и солнце не взойдёт.
День истёк. И пролетело лето.
И проходит мимолётно жизнь...
Поднимись, моя молитва, к свету –
Над холодной ночью поднимись [8, с. 100–101].

V. *Чаще всего функцией метатекста являются размышления автора дневниковых записей о жизни, о смысле существования человека.* Через всё повествование проходят авторские философские мысли о жизни как выборе: «Жить так, как живут люди, похожие на птиц. Они легко перелетают с места на место, они не слишком задумываются над тем, что воруют крошки у своих ближних. Они мало думают о завтрашнем дне. Они и о сегодняшнем не так уж много размышляют. Птичка божия не знает ни заботы, ни труда. <...> Смысл жизни заключается в том, чтобы заглянуть в глаза своему внуку, заглянуть и, восхитившись, забыть обо всём на свете. В этом и заключается наша жизнь» [8, с. 43].

VI. *Одной из ведущих функций метатекста в современной дневниковой прозе является соотношение точек зрения – дискуссионность метатекста.*

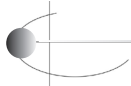
Иногда это спор с самим собой, спор-размышление. «Утром нравится мне идти по родному городу. Идти и видеть, как встаёт солнце. <...> И в этой трудной жизни бывают радостные моменты. Оказывается, китайские друзья из университета приготовили для меня поздравление – грамоту и подарок. Но я даже не подозревала! Даже и подумать не могла! Я настолько привыкла к безразличию... Я давно взяла себе за правило – работать и не думать о благодарности.

Подарок – золотая роза. Золотая роза для меня – это и К. Паустовский, и Андерсен... И она просто женственная. Изысканная. Я ахнула, когда увидела её. Чудесная золотая роза. И текст грамоты – строгий, интеллигентный, уважительный. Вот почему мы не умеем так,

как умеют это восточные люди?» Метатекст в современной дневниковой прозе – это не просто ситуация сиюминутного настроения. Это метаобраз, раздумья автора о пройденном жизненном пути. Ситуация сиюминутного настроения рождает мировоззренческие выводы о жизни. «И вот я подумала – мне ведь жизнь подкидывала возможности карьерного роста – и заместителем декана предлагали быть, и заведующим кафедрой русского языка. Я молодая была очень. Но и тогда почувствовала – не моё это дело. Отказалась. А теперь страдаю – не заметили, не оценили...»

Как можно определить, дискуссионная страница такой «вставки» в текст дневниковой прозы – свидетельство внутреннего диалога автора с самим собой. Спор и опровержение одновременно: «карьера – это пустое. Это временно. А то, что ты представляешь собой на самом деле, – это всегда с тобой, это твоё навсегда» [8, с. 108–109]. Таким может быть метатекст как «вставной конструкт». Проблема дискуссионного метатекста в современной дневниковой прозе ещё требует своего тщательного анализа, поскольку несёт в себе значимую информацию. Её содержанием может быть дискуссия с писателем. После в Интернете была напечатана статья З. Прилепина «Вышли мы все из народа». В дневниковых записях Нины Ганьшиной читаем: «После “Чёрной обезьяны” мой любимый писатель стал меня разочаровывать. А публицистика его и вовсе странного качества. Жаль. Особенно жаль его мнение о провинции. Ну, нельзя о провинции так огульно! Вот так, как он пишет, нельзя: “В России 60 процентов населения (вдумайтесь!) живёт в деревнях, посёлках городского типа и моногородах. Там не читают книг, не особенно пользуются фэйсбуком... вообще, в тех местах какая-то форма жизни, нам не очень ведомая. Так как я периодически и подолгу живу в деревне, я её наблюдаю со стороны: примерно так, как наблюдали в иные времена своих новых друзей белые люди в не очень белых странах. 60 процентов. Не считая ещё диких толп на окраинах Москвы, Питера, Нижнего и всех остальных миллионников. Наша власть иногда делает вид, что она говорит от имени этих людей, но власть про них знает ещё меньше, чем я”».

Примером дискуссионного метатекста служит следующее повествование автора: «Я из провинции. Из провинции! Но кто услышит мой голос? Потом, через пару месяцев я получила письмо от славного, талантливого Сергея Лагодина, мы с ним говорили о З. При-

лепине и вот об этой статье. Серёжа написал мне: "...Деревня читает, и ещё как! Я с села. Мама у меня библиотекарь. Библиотека в Нер-Заводе большая, двухэтажная, просторная. Фонд 25 тыс. книг – это только взрослая. А ещё есть чудесная детская, в которой я вырос. Так вот, люди читают, ходят и помногу! Одна проблема – книг новых нет/ <...> Всю современную прозу до дыр дочитали. Самое удивительное, что читают даже толстые журналы <...> "Новый мир" и "Звезда". А в детской библиотеке вал детишек. Все 80 с лишним наших ребят из неблагополучных детей ходят в библиотеку. <...> Мама у меня ещё и заведует информационным классом, так перед НГ у них курсы для пожилых "Знакомство с компьютером". Вот теперь к ней ещё и бабушки ходят, разбираются в компьютере. Всё это интересно, вот только бы иногда на глюбинку оглядывались и помогали бы ей".

Пьеса «Я из провинции» не случайно заканчивает дневниковую прозу. Она полна оптимизма, диалог героев вплетается в повествование, продолжает метатекстовые вставки дневниковой прозы. Метаобразы стихотворных строчек Геннадия Головатого, Михаила Вишнякова преобразуются в метадействия:

А у нас в Забайкалье
Сопки малиновые!
Вы, небось, и не знаете,
Что такое багул?..
Вы напрасно стараетесь
Жизнь мне сделать малиною,
Всё равно я однажды
В Забайкалье сбегу (Геннадий Головатый).

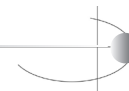
«Слово как защитная броня», – пишет Михаил Вишняков. – «Жизнь и смерть, любовь и удивление / в нём увидят правнуки мои».

Оптимистичен конец пьесы, которая свободно вписывается в дневниковую прозу: «Михаил Васильевич Ломоносов – из провинции. Константин Циолковский – из провинции. Илья Ильич Мечников – из провинции. Юрий Гагарин – из провинции. Лев Толстой – из провинции. Сергей Есенин – из провинции. Михаил Семёнович Щепкин – из провинции. Иван Семёнович Козловский – из провинции. Пётр Ильич Чайковский – из провинции.

– А вы? Поднимайтесь! Гордитесь!» [8, с. 312–313].

Нине Ганьшиной удалось сделать единым повествование прежде всего потому, что духовное пространство метатекста представляется как путь к себе, своему «Я», возвышению личности в ситуации «сплетения позиций», преобразования мира. Автору удалось преодолеть традиционный взгляд на дневниковую прозу:

автор не просто ведёт повседневный рассказ о прожитом дне, он живёт в прошлом, настоящем и будущем своей страны. Повседневные будни дневниковых записей преобразуются: читающий видит человека как личность, «самость», осознающего свою роль в жизни, природе, Миров. Читающий, казалось бы, личные воспоминания о ребёнке или о событиях обыденности начинает осознавать ценность каждой минуты жизни, которые не повторяются. Просто и обыденно звучит текст дневника, так понятный каждому: «Завтрашний день принадлежит моим дорогим детям. Дай Бог!.. И вот сейчас вечер. Ильдар спит в соседней комнате. Маратик спит в другой комнате. Но чтобы так хорошо было всегда – так не бывает! Я знаю то, что сейчас, сию минуту – это счастье, счастье! И я задерживаю дыхание, чтобы время стояло на месте. Но скоро утро...» [8, с. 96]. Легко и просто, с глубокой верой в счастье воспринимаются повторяющиеся рефреном слова: «Господи! Не оставь в пути моих детей! Спаси и помилуй их, Господи Милосердный!» Наверное, стиль этого жанра – современной дневниковой прозы – ещё ждёт своего анализа и описания, своего исследования. Важно проанализировать особенности духовного пространства метатекста, включающего метапоэтическое пространство, духовную энергию, возвышение идеи в ситуации «сплетения позиций». Думается, современная дневниковая проза – это постижение единства метаобраза и метадействия как путь к себе, своему «Я»: «Чудесное свершилось в моей жизни. И я благодарю Бога в своих молитвах и прошу Его о самой малости – о снисхождении. Мне так хочется счастья своему сыну, своему внуку. Мне так хочется, чтобы у всех всё было хорошо! Господи, не оставь нас! Спаси и помилуй!» [8, с. 5]. Такие строчки обращения к Богу – свидетельство откровения автора, которое может быть, не каждому дано, но которое необходимо вписывается в общий стиль повествования. Это, на наш взгляд, тоже стилистическая особенность современной дневниковой прозы. Без такой искренности, открытости в чувствах жанр дневниковой прозы просто не состоятелен: «Душа-то где? Где смысл? Где цель?». На этот вопрос автор чаще всего отвечает стихами, потому что стихи – «причастия к высоте». Поэзия – мир Человека и Бога. Это осуществление красоты. Дневниковая проза, обращённая к метаобразам и метадействиям, позволяет читателю почувствовать себя нужным и значимым, прикоснуться к высочайшему. Думается, это очень сложный жанр повествования, который рождён самым сложным временем и поэтому востребован.

Список литературы

1. Анциферова Н. Б. Образ рассказчика в современной дневниковой прозе: языковой аспект (на материале дневников С. Есина, В. Гусева, Т. Дорониной): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Улан-Удэ, 2010.
2. Ахметова Г. Д. Языковое пространство художественного текста (на материале современной русской прозы). СПб.: Реноме, 2010. 244 с.
3. Ахметова Г. Д., Лю Гопин, Чжоу Чжунчен. Языковые традиции и языковые процессы в духовном пространстве русской прозы. Казань: Бук, 2015. 192 с.
4. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. 534 с.
5. Байкова С. А. Метатекст. Энциклопедия гуманитарных наук [Электронный ресурс]. 2010. № 3. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/metatekst> (дата обращения: 17.08.2015).
6. Бачини В. А. Н. О. Ласский о сакральном основании эстетического // Духовные начала русского искусства. Великий Новгород, 2006. 243 с.
7. Вежицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. М., 1978.
8. Ганьшина Нина. Чудесное. Ангел мой. Я из провинции. Казань: Бук, 2015. 313 с.
9. Иванов Н. В. Гипертекст – метатекст: культура, дискурс, язык. М.: Книга и бизнес, 2007. С. 43–50.
10. Курганская А. В. Межтекстовые связи в языковой композиции (на материале прозы Вячеслава Дегтева): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Архангельск, 2011.
11. Мехтиев В. Г. Эстетическое и духовное в классической традиции // Духовные начала русского искусства. Н. Новгород, 2006. 243 с.

References

1. Antsiferova N. B. Obraz rasskazchika v sovremennoi dnevnikovoi proze: yazykovoi aspekt (na materiale dnevnikov S. Esina, V. Guseva, T. Doroninoy): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Ulan-Ude, 2010.
2. Akhmetova G. D. Yazykovoe prostranstvo khudozhestvennogo teksta (na materiale sovremennoi russkoi prozy). SPb.: Renome, 2010. 244 s.
3. Akhmetova G. D., Lyu Gopin, Chzhou Chzhunchen. Yazykovye traditsii i yazykovye protsessy v dukhovnom prostranstve russkoi prozy. Kazan': Buk, 2015. 192 s.
4. Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i. M., 1986. 534 s.
5. Baikova S. A. Metatekst. Entsiklopediya gumanitarnykh nauk [Elektronnyi resurs]. 2010. № 3. Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/metatekst> (data obrashcheniya: 17.08.2015).
6. Bachini V. A. N. O. Lasskii o sakral'nom osnovanii esteticheskogo // Dukhovnye nachala russkogo iskusstva. Velikii Novgorod, 2006. 243 s.
7. Vezhbitskaya A. Metatekst v tekste // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 8: Lingvistika teksta. M., 1978.
8. Gan'shina Nina. Chudesnoe. Angel moi. Ya iz provintsii. Kazan': Buk, 2015. 313 s.
9. Ivanov N. V. Gipertekst – metatekst: kul'tura, diskurs, yazyk. M.: Kniga i biznes, 2007. S. 43–50.
10. Kurganskaya A. V. Mezhtekstovye svyazi v yazykovoi kompozitsii (na materiale prozy Vyacheslava Degteva): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Arkhangel'sk, 2011.
11. Mekhtiev V. G. Esteticheskoe i dukhovnoe v klassicheskoi traditsii // Dukhovnye nachala russkogo iskusstva. N. Novgorod, 2006. 243 s.

Статья поступила в редакцию 10.08.2015